

— Всё в порядке?

Повозку снова сильно трянуло; Нин Гуйчжу едва успел ухватиться за ногу Сюн Цзиньчжоу. Услышав его вопрос, он с лёгкой неловкостью убрал руку и покачал головой, показывая, что всё нормально.

Расстояние от уездного города до деревни Сяохэ было не таким уж большим - прежде чем Нин Гуйчжу окончательно изнемог от тряски, повозка остановилась. Он с облегчением выдохнул.

Сюн Цзиньчжоу спрыгнул на землю, развернулся и поддержал Нин Гуйчжу, помогая ему сойти. Убедившись, что тот стоит устойчиво, он лишь после этого потянулся за их бамбуковыми корзинами.

Широкая грунтовая дорога проходила мимо деревенского входа. С одной стороны деревни Сяохэ вплотную подступал густой лес, с двух других её обступали высокие горы. Дом Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу как раз находился там, где лес сходил с горами: от входа в деревню нужно было свернуть в сторону, пройти мимо дома родителей семьи Сюн, и только потом доходили до их двора.

— Второй, ты чего сегодня не на службе? — издали, увидев Сюн Цзиньчжоу, нахмурилась Лю Цюхун.

Поздоровавшись, они объяснили:

— Чжубу сказал, что после свадьбы полагается пять дней отпуска.

Услышав про отпуск, Лю Цюхун тут же сменила гнев на улыбку и наставительно сказала:

— Раз уж дали выходные, оставайся дома, как следует побудь с Чжу-гером и работай расторопно, понял?

Такой хороший фулан, если вдруг из-за собственной неловкости или грубости его спугнуть, разве это не будет сущим горем?

Сюн Цзиньчжоу тихо ответил:

— Угу.

Когда они вошли во двор, Лю Цюхун сразу услышала писк цыплят и утят, затем заметила в бамбуковой корзине железные инструменты - улыбка на её лице стала ещё шире. Потратить деньги на такие вещи дело хорошее: значит, оба настроены жить по-настоящему, вести хозяйство, а не пускать дни на самотёк.

Она сказала Нин Гуйчжу:

— У меня ещё дела, не буду вас задерживать. Раз уж второй сын дома, потом пусть он проведёт тебя, покажет землю, чтобы ты получше всё запомнил.

— Хорошо, идите, не отвлекайтесь, — кивнул Нин Гуйчжу.

Проводив Лю Цюхун взглядом, он вместе с Сюн Цзиньчжоу пошёл дальше, к своему дому. Их участок располагался довольно в стороне, земли вокруг было немного, так что на оставшемся пути им больше никто не встретился.

Вернувшись домой, Сюн Цзиньчжоу поставил корзину и первым делом отправился варить для Нин Гуйчжу лекарство.

Нин Гуйчжу посмотрел на собак, которые носились у него под ногами, и спросил:

— А где те маньтоу, что мы купили?

— В корзине, — ответил Сюн Цзиньчжоу.

Нин Гуйчжу подошёл к столу, заглянул в бамбуковую корзину, достал булки, завернутые в промасленную бумагу, взял большую чашку, раскрошил в неё маньтоу из грубой муки и залил водой, чтобы размочить.

— Даван, Эрцай, обедать!

Услышав про еду, две собаки, которые крутились возле Сюн Цзиньчжоу, тут же развернулись и, перебирая короткими лапами, бросились следом за Нин Гуйчжу.

Покормив обеих малышей, Нин Гуйчжу вымыл чашки и утварь, убрал их в шкаф и, взяв бамбуковую корзину, направился в задний двор.

Увидев это, Сюн Цзиньчжоу сказал:

— Лучше поставь их в переднем дворе. В горах водится всякое, таскают кур, небезопасно.

— Что? — Нин Гуйчжу удивился и тут же добавил: — Я просто боюсь, что собаки их покусают.

— Там не одна опасность, — ответил Сюн Цзиньчжоу. — А собак можешь не бояться, их мать кур и уток не трогает.

— Тогда ладно.

Нин Гуйчжу достал цыплят и утят из корзины и выпустил во двор:

— Всё равно нужно сделать закрытую клетку, чтобы они далеко не разбежались.

— Клетку? Кажется, дома была. Я схожу возьму, пока попользуемся, а потом купим новую.

Сюн Цзиньчжоу поднялся, собираясь идти вперёд, но Нин Гуйчжу окликнул его:

— Эй.

Тот остановился, и Нин Гуйчжу продолжил:

— Дома ведь тоже понадобится. Ты лучше наруби бамбука, я сам сплету.

— Ты умеешь? — удивился Сюн Цзиньчжоу.

Нин Гуйчжу как раз смотрел на цыплят и утят, поэтому, не поднимая головы, кивнул:

— Это довольно просто, раньше пару раз делал.

К слову «просто» из уст Нин Гуйчжу Сюн Цзиньчжоу отнёсся с сомнением: будь это и правда так легко, не стало бы отдельным ремеслом. Но раз Нин Гуйчжу умеет, он взял купленный сегодня тесак для дров:

— Тогда я схожу в горы, нарублю бамбука.

— Хорошо, будь осторожен, — напомнил Нин Гуйчжу.

Сюн Цзиньчжоу ушёл.

Нин Гуйчжу ещё немного посторожил цыплят и утят, увидел, как две собачки лишь с любопытством понюхали их и больше не проявили интереса, и с облегчением выдохнул.

Он осторожно поднялся и зашёл на кухню.

Даван и Эрцай, наклонив головы, проводили его взглядом; спустя мгновение они сменили место, улеглись поудобнее и, виляя хвостами, принялись грызть траву да топтать жучков, вовсе

не проявляя желания на словах быть паиньками, а за спиной нападать на цыплят и утят. Теперь Нин Гуйчжу окончательно успокоился. Он проверил глиняный горшок с варящимся лекарством, затем достал из корзины купленное мясо.

Грудинку и чистый жир он сложил в чашки и убрал в шкаф, а сало промыл, нарезал короткими полосками, развёл огонь в очаге и принялся вытапливать жир.

Существовало два способа вытапливания: с добавлением воды и на собственном жире. Нин Гуйчжу особой разницы во вкусе не чувствовал, поэтому выбрал тот, что быстрее. Он плеснул в котёл немного масла, выложил нарезанное сало и, помешивая, следил, чтобы кусочки не прилипали ко дну. После недолгого обжаривания сало заметно уменьшилось в объёме, а масла в котле становилось всё больше. Он перестал мешать, отложил лопатку в сторону и вышел из кухни взглянуть, что происходит.

Во дворе цыплята и утята уже разбежались шире, чем раньше. Даван и Эрцай стояли по разным сторонам, время от времени отгоняя тех птенцов, что отбивались слишком далеко.

Нин Гуйчжу изумлённо приподнял брови. Про пастушьих собак он слышал, а вот о том, что собаки могут «пасти» кур и уток, узнал впервые.

Нин Гуйчжу ещё немного понаблюдал за этой диковиной, затем вернулся к делам: лекарство на очаге уже почти выварилось. Он, пользуясь ароматом растопленного жира, залпом выпил чашку горького отвара. Оставшиеся травы выбрасывать было нельзя, он накрыл горшок крышкой и убрал в шкаф: вечером их ещё предстояло варить снова.

Лопатка тихо шуршала, переворачивая шкварки в котле. Нин Гуйчжу поднял руку и потрогал лоб - он всё ещё был немного горячим, но общее самочувствие оставалось вполне сносным, так что он не придавал этому значения. Куда больше беспокоила травма коленей от наказания стоянием на коленях. И без того больно, а сегодня он ещё столько прошёл пешком, неудивительно, что теперь тянуло и ломило.

Думая о том, что вечером стоит как следует осмотреть колени, Нин Гуйчжу услышал во дворе голос Сюн Цзиньчжоу. Он взглянул на шкварки, отложил лопатку и вышел из кухни.

Сюн Цзиньчжоу тащил на плече две бамбуковые жердины и из-за этого двигался неловко. Он отмахивался ногой от подбегающих щенков и суесящихся цыплят с утятами, совершенно не заметив, что Нин Гуйчжу вышел.

Он пару раз прикрикнул - Даван и Эрцай поняли и, подпрыгивая, начали отгонять птицу. И тут Нин Гуйчжу сам не зная почему сказал:

— Даван, Эрцай, гоните их сюда.

Оба пса подняли головы, посмотрели на Нин Гуйчжу и вдруг действительно начали сгонять кур и уток в его сторону. Нин Гуйчжу и сам опешил, поднял взгляд и встретился глазами с Сюн Цзиньчжоу, после чего невольно улыбнулся и опустил глаза.

На солнце гер улыбался особенно красиво. Сердцебиение Сюн Цзиньчжоу на миг сбилось, он поспешно отвёл взгляд и только потом сообразил, что сам тоже улыбается. Он коснулся уголка губ, словно стараясь подавить эту улыбку, и опустил бамбуковые стволы на землю.

Бамбук был длинный - после того как он его положил, часть всё ещё торчала за пределы двора.

Нин Гуйчжу опустил взгляд, погладил по голове подбежавшего Эрца, вымыл руки и вернулся на кухню, продолжая следить за вытапливанием жира.

Сюн Цзиньчжоу зашёл следом:

— Бамбук нужно расколоть?

— Да. Более тонкую часть отруби, потом высушим - пойдёт на дрова.

— Хорошо.

Сюн Цзиньчжоу занялся бамбуком, потом зачерпнул чашку колодезной воды и, отпивая, встал рядом с Нин Гуйчжу. Он смотрел на золотистые шкварки в котле и, не выдержав соблазнительного запаха, непроизвольно сглотнул. Звук растворился в плеске воды и был почти неразличим, но Сюн Цзиньчжоу всё равно инстинктивно отступил на шаг - вдруг опозорится при Нин Гуйчжу.

Тот его движения не заметил. Увидев, что сало уже достаточно вытопилось, он вытащил из очага ещё горящие дрова и спросил:

— А у нас есть что-нибудь, чтобы сцедить жир?

— Э... это что? — растерялся Сюн Цзиньчжоу.

В крестьянском быту мясо и жир доставались нелегко, чем больше масла оставалось в еде, тем она была ароматнее, так что никто и не думал держать в доме специальные приспособления для отцеживания жира.

К счастью, в доме Сюн Цзиньчжоу и так почти ничего не было, так что, услышав его вопрос, Нин Гуйчжу не увидел в этом проблемы и сказал:

— Ничего страшного, я сейчас что-нибудь сделаю.

Сюн Цзиньчжоу неловко почесал нос. Он наблюдал, как Нин Гуйчжу гасит огонь в очаге и накрывает котёл крышкой, и почему-то почувствовал скованность. Раньше, когда он жил один, отсутствие вещей в доме его ничуть не смущало. Теперь же, когда появился фулан, всё приходилось обустройства его руками. Сюн Цзиньчжоу ощущал неловкость буквально во всём; хотя они уже были супругами, даже мысль о том, чтобы просто взять деньги и пойти купить нужное, почему-то казалась ему неправильной, будто он что-то задолжал Нин Гуйчжу.

Высокий и крепкий мужчина стоял рядом, уже допив воду, но так и не сообразив поставить чашку. Нин Гуйчжу несколько раз удивлённо посмотрел на него и спросил:

— Что-то не так?

— ...Ничего, — пробормотал Сюн Цзиньчжоу, так и не решившись высказать то, что крутилось у него в голове.

Раньше Нин Гуйчжу был занят лишь выживанием: рядом не было ни семьи, ни близких друзей, и он попросту не знал, как улавливать и поддерживать чужие чувства. Услышав, что всё в порядке, он решил, что просто ошибся в ощущениях, взял тесак и вышел из кухни.

Сюн Цзиньчжоу нерешительно последовал за ним:

— Есть что-нибудь, что я могу сделать?

Нин Гуйчжу попробовал приподнять бамбуковые стебли, затем обернулся к нему и спросил:

— Умеешь раскалывать бамбук? — и, не дожидаясь ответа, добавил: — Если нет, ничего страшного. Когда вонзаешь нож, просто поверни лезвие влево-вправо, бамбук сам расколется.

Дело было не в том, что Нин Гуйчжу не хотел работать. Просто после перерождения всё шло настолько гладко, что он переоценил силы этого тела: свежесрубленный, ещё влажный бамбук оказался слишком тяжёлым, и одному его было не под силу таскать.

Сюн Цзиньчжоу принял из рук Нин Гуйчжу нож и, действуя по его указаниям, попробовал расколоть бамбук. Услышав хруст ломающихся волокон, он с сомнением спросил:

— Так?

— Да. Только не упирайся лезвием в бамбук, работай обухом.

Сделав ещё пару движений, Сюн Цзиньчжоу быстро приноровился и вскоре расколол два бамбуковых стебля на восемь частей. Такой вес уже был Нин Гуйчжу по силам. Он забрал обратно тесак и сказал:

— Сходи лучше нарви дикой травы для кур и уток, порежь и покорми их. Тут я сам справлюсь.

— Хорошо, — Сюн Цзиньчжоу поднялся, взглянул на небо и добавил: — Носильщики, наверное, скоро подойдут. Если придут, пусть сложат всё у ворот, я вернусь - перенесу.

— Понял, иди.

Сюн Цзиньчжоу вышел, прихватив бамбуковую корзину. Нин Гуйчжу же взял тесак и продолжил работу: раскалывал бамбук дальше, превращая его в тонкие рейки, затем снимал с них наружную кожицу. Гибкие, гладкие бамбуковые ленты подходили для плетения чего угодно, а более плотная внутренняя часть годилась для основы и каркаса.

Нин Гуйчжу нарезал рейки на нужную длину, взял бамбуковые ленты и, обвивая ими основу, начал плести неглубокий поддон. Работа была несложной, да и предназначался он всего лишь для сцеживания жира, поэтому промежутки между лентами оставлялись широкими. Больше времени ушло лишь на аккуратную отделку края. Когда плетение было закончено, масло в котле ещё не успело полностью остыть.

Нин Гуйчжу достал глиняный сосуд для жира и поставил его на очаг, сверху водрузил плетёный поддон и стал перекидывать в него шкварки.

Прозрачные капли чистого жира одна за другой стекали в кувшин, а шкварки в поддоне постепенно сложились в небольшую горку.

<http://bllate.org/book/14958/1328944>